



УДК 123.1/123.2

Философские науки

Артюхов А.И.,

аспирант 5 курса

Краснодарского государственного
института культуры,

г. Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33

e-mail: artuhov.multon@mail.ru

Научный руководитель:

Зорин А.Л.,

д.ф.н., профессор кафедры философии

Краснодарского государственного

института культуры

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАЗНАЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА Н.А. БЕРДЯЕВА

Аннотация: в статье рассматривается проблема назначения человека в философии Н.А. Бердяева. Идеиный контекст - специфика «русского мировоззрения», его идейное содержание, смысл жизни. Проблема назначения человека трактуется в соотношении концептов «экзистенция», «смысл жизни», «правда», «истина».

Ключевые слова: личность, мировоззрение, смысл бытия, Н.А. Бердяев, проблема назначения человека.

Artyukhov A.I.,

graduate student of the 5th course

Krasnodar state institute of culture,

Krasnodar, 40 years of the Victory st., 33,

e-mail: artuhov.multon@mail.ru

The research supervisor:

Zorin A.L.,

professor of department of philosophy of the

Krasnodar state institute of culture

EXISTENTIAL AND SYMBOLICAL CONCEPT OF APPOINTMENT OF THE PERSON N.A. BERDYAEV

Summary: in article the problem of appointment of the person in philosophy N. A. Berdyaev is considered. An ideological context - specifics of «the Russian outlook», his ideological contents, meaning of life. The problem of appointment of the person is treated in the ratio concepts «ekzistention», «meaning of life», «truth», «truth».

Keywords: : personality, outlook, sense of life, N. A. Berdyaev, problem of appointment of the person.

Русская философия и ее богатый теоретический и методологический опыт нуждаются в переосмыслении [1]. В статье мы рассматриваем тему предназначения человека в работе Н.А. Бердяева «О назначение человека» [2].

Тема предназначения человека является общекультурной, она присутствует во всех основных мировоззренческих системах. Как мы уже указывали ранее, «понятие «предназначение человека» ассоциируется с понятиями «миссия», «самореализация», «свобода», «призвание», «уверенность в себе», «самоактуализация», «познание себя», «гармония», «дхарма», «голос души», «смысл жизни» [3]. В на-

шем контексте понятия «предназначение» и «назначение» (Н.А. Бердяев) во многом синонимичные. Для нас это не только нравственные, но и мировоззренческие концепты, прочерчивающие траекторию мировой линии индивида в мировоззренческом Космосе. Проблема назначения человека трактуется мыслителем как призвание человека, вопрос о том, что есть человек, откуда он пришел и куда идет, то есть, как вопрос о смысложизненном выборе и пути человека.

Первый пункт, который стоит отметить – это онтологическая позиция философа. Гносеологизм и сциентизм уводят философию от мудрости и жизни, делают ее зависимой от науки. В решении проблемы назначения человека Бердяев исходит из двух принципиальных позиций – онтологизм философской мудрости и свобода философии: «Философия есть часть жизни и опыт жизни, опыт жизни духа лежит в основании философского познания» [4]. Можно было бы даже подчеркнуть, что модный по воле Школы анналов подход с точки зрения повседневности считается Бердяевым основополагающим для философского рефлексирования.

Для мировоззренческой позиции философа также характерна целостность бытийного постижения мира. Философская антропология, как центральная часть философского знания, по Бердяеву, есть философия духа. Философия как учение о духовных смыслах может быть лишь субъективным знанием: «философия есть необъективированное познание, ... познание смысла и приобщение к смыслу. ... наука основана на отчуждении человека от бытия и отчуждении бытия от человека» [5].

Н.А. Бердяев демонстрирует, что мировоззренческие проблемы в их экзистенциальном измерении может раскрыть философия, а не наука, поскольку экзистенциальная логика такова: «бытие раскрывается только в человеке, из человека, через человека», а в основании экзистирующей философии лежит предположение, что «мир есть часть человека, а не человек часть мира. У человека, как дробной и малой части мира, не могла бы зародиться дерзновенная задача познания» [6]. Именно только из таких посылок может вытекать идея предназначения человека.

Интересно, что в этом случае тезисы онтологии Бердяева как бы свободны от идейной альтернативы «Запад-Восток». Его позиция близка буддизму, индуизму, когда духовное бытие объемлет мир, но она также характерна и для западной ориентации экзистенциалистского, феноменологического толка.

Бердяев рассматривает особенность этического познания и его основополагающую роль в философии. У него в отличие от западной, кантовской традиции не гносеологический и априористский, а антропологический и этический подход, в основании этики и философии лежит нравственный опыт. Диалектика, за которой нет никакого нравственного опыта, лишена ценности и является умственной игрой. Философия Платона была вдохновлена нравственными мотивами, исканием верховного блага. За диалектикой Гегеля скрывался подлинный нравственный опыт. Но априоризм в этике есть, в сущности, отрицание нравственного опыта. В то же время этика считается вершиной философии духа, предназначенной для руководства на жизненном пути.

Н.А. Бердяев формулирует главный парадокс этического познания. Его можно сравнить только с парадоксом теории множеств в основании математики или парадоксом всемогущества Бога в средневековой схоластике. Поскольку этика рефлексирована над «добром» и «злом», то получается, что в этическом знании встает вопрос не только о статусе зла, но и о статусе добра: является ли добром (истинным добром) то, что называют «добром»?

Особенность методологии русского мыслителя заключается в том, что этическую онтологическую проблематику он сопрягает с рядом экзистенциальных категорий. Парадоксальность и трагизм Бердяев определяет как главные качества этики: «Свобода есть основное условие нравственной жизни, не только свобода добра, но и свобода зла. ... Без свободы зла нет нравственной жизни. Это делает нравственную жизнь трагической и этику делает философией трагедии» [7]. Аспект трагического недоступен нормативной формалистической этике. Сложность взаимосвязи и взаимопревращения в социальных отношениях добра и зла Бердяев именуется диалектикой: «И добро и зло обладают способностью принимать самые противоположные формы. Добро может оказаться новой ... формой зла. Зло же может оказаться ... еще неосознанной формой добра. Сколько зла делает добро в жизни семейной, государственной, хозяйственной, бытовой» [8].

В этике, наряду с категорией «свобода» важную роль играет и идеал, «совершенство»: «Чистота

нравственного акта предполагает совершенную свободу человека от внешнего принуждения и насилия. Но когда мыслится совершенный строй жизни, из которого будет изгнано всякое принуждение и насилие и в котором невозможно уже будет зло, то нравственная активность человека делается уже ненужной и невозможной. Таков парадокс свободы» [9]. Поскольку экзистенциализм Бердяева является религиозным, то категории «парадоксальности» и «трагического» в этике он связывает тесным образом с отношением между свободой человека и свободой Бога. Орган обретения себя, своего назначения – это совесть.

Видимо это так, поскольку в концепции Бердяева это не социальная, не нормативная или трансцендентальная (априорная) этика, а персоналистическая, антропологическая: «Совесть есть та глубина человеческой природы, на которой она соприкасается с Богом и где она получает весть от Бога и слышит голос Божий. ... Когда в самом грешном и преступном человеке пробуждается совесть, это значит, что он вспоминает о Боге и о том, как жить по-Божески» [10]. Соответственно чувство раскаяния возникает у человека вследствие мучений от ужаса несоответствия повседневного бытия и истинной жизни, ради которой он сотворен.

В этом экзистенциально-персоналистическом контексте Н.А. Бердяев формулирует свой основной нравственный принцип – понятие творческой совести: «... совесть твоя никогда не должна определяться социальностью, социальными группировками, мнением общества, она должна определяться из глубины духа, т.е. быть свободной, быть стоянием перед Богом, но ты должен быть социальным существом, т.е. из духовной свободы определить свое отношение к обществу и к вопросам социальным» [11]. В связи с этим он осуждает фанатизм как одномерную, суженную, оскопленную, сказали бы мы, форму осознания Бога.

Следующий важный экзистенциал, определяющий обретение смысла жизни, это переживание смерти. Согласно взглядам отечественного мыслителя: «Смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни. И только факт смерти ставит в глубине вопрос о смысле жизни. Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если бы в нашем мире не было смерти, то жизнь лишена была бы смысла. Смысл связан с концом» [12]. Смерть онтологически выступает в этой концепции не прерывом жизни, не уходом в вечную жизнь, а концом грешной жизни и скачком в вечную жизнь.

В то же время, в этом экзистенциально-категориальном ряду смерть положительный факт абсолютного зла, к которому могут быть редуцированы все другие виды зла: «Но смерть есть вместе с тем самое страшное и единственное зло. Всякое зло может быть сведено к смерти. Убийство, ненависть, злоба, разврат, зависть, месть есть смерть и сеяние смерти. Смерть есть на дне всякой злой страсти. Самолюбие, корыстолюбие, честолюбие смертоносны по своим результатам. Никакого другого зла, кроме смерти и убийства, и не существует. Смерть есть злой результат греха» [13].

Основной факт подвига Христа и результат его переживания – это преодоление смерти – воскресение и обретение вечной жизни. Эта трагичность человеческого существования осознается только при персоналистическом подходе. В связи с этим Бердяев также подвергает критике буддистскую точку зрения, позиции В. Розанова и Н. Федорова. Трансцендентальный идеализм не способен раскрыть этот факт, так как он утратил личностную точку зрения, а вместо нее утвердил безличностный подход. Проблема Ада и Рая рождается в сознании в ходе его движения от бессознательного к сверхсознательному. Отношение добра и зла нетривиально. Ответственность за зло несут не только злые, но и добрые. Нравственная воля должна быть ориентирована на всеобщее спасение. Зло появилось в силу того, что добрые были слишком плохи.

В связи с рассуждениями Н.А. Бердяева, у нас возникло мнение, что эсхатология также должна быть разделом современного философского знания. Она должна быть частью мировоззренческой теории. Этот раздел принципиально важен для разъяснения экзистенциальных проблем человеческой жизни, а также для совершения нравственного выбора и решения нравственных проблем. Эсхатология как форма знания рефлексивна и связана с пониманием ценностей, высших, предельных ценностей человеческого бытия. Она берет их не в гносеологической, а онтологической и метафизической плоскости: как предельная форма оценок и оценивания. Именно в эсхатологической плоскости находится решение важнейшей проблемы для каждого человека – оптимизма или пессимизма. Оптимистическое решение траектории жизненного пути обусловлено позитивным решением эсхатологической проблемы о конеч-

ном предназначении человека. Эсхатология заботится об оправдании человеческого существования, живет самыми основными заботами человека, поэтому она по своему содержанию экзистенциальна.

Бердяев относит оптимизм или пессимизм к области веры, а не рационального знания: «Мы не можем и не должны строить никакой рациональной онтологии ада, ни оптимистической, ни пессимистической. Но мы можем и должны верить, что сила ада побеждена Христом и что последнее слово принадлежит Богу и Божьему смыслу» [14].

Но есть фразы, которые показывают, что сфера божественного отвоевывается самим человеком, это пространство сознания с доминантой бытия и Бога, в противоположность небытию и Дьяволу: «Не нужно уступать дьяволу все большие и большие районы бытия, нужно отвоевывать их для Бога. Ад не есть торжество Бога, ад есть торжество дьявола, торжество небытия» [15].

Рассуждения о Рае тоже парадоксальны, так как невозможно мыслить и существовать в совершенстве, что означало бы конец творческого движения. Ощущение и переживание времени имманентно входит в понимание идеалов и вообще состояний человека. Оказывается, что решение многих нравственных проблем зависит от понимания времени: «Но рай совсем не в будущем, не во времени, рай в вечности. Вечность же достигается в мгновении настоящего, вечность наступает не в том настоящем, которое есть часть разорванного времени, а в том настоящем, которое есть выход из времени» [16].

Понимание многих концептов и коренных нравственных проблем зависит от понимания и ощущения времени. Онтологическая позиция субъекта и способ использования им хронотопа коренным образом влияют на понимание и переживание добра и зла, счастья, любви, смысла жизни. Парадоксальный метод Бердяева приводит в этой точке рассуждения к следующему выводу: вечность и переживаемое мгновение в творческом сознании взаимосвязаны, они внутри каждого мгновения. Нам хочется подчеркнуть: вечность не за пределами бытия или мгновенного существования, а внутри каждого мгновения жизни: «...важно преодолеть пассивное понимание Апокалипсиса как ожидания конца и суда. Возможно активное понимание Апокалипсиса как призыва к творческой активности человека, к героическому усилию и подвигу» [17].

Время переживается как мука и кошмар посяторонней жизни. Позитивное обретение себя индивидом возможно лишь в случае обретения не просто установки на будущее, на что нацеливает современная цивилизация, а установки на вечность. В связи с этим Бердяев парадоксально сочетает в творчестве две установки: на действие и на созерцание. Созерцание провозглашается им высшим состоянием, связанным с творческой активностью, направленной на преодоление зла с помощью участия в Божьем деле [18].

Таким образом, в рассматриваемой работе с экзистенциально-персоналистической, а также с позиций христианства русский философ анализирует смысложизненные принципы человека. Основные экзистенциально-онтологические категории этого ряда таковы: «личность», «жизнь», «существование», «добро и зло», «время», «смысл жизни», «муки бытия», «обретение вечности», «творчество», «созерцание» и «действие» и некоторые другие. Он закладывает основы парадоксальной, экзистенциальной христианской этики. В этом учении смысл бытия личности определен как обретение себя в Божественном добре через творчество и созерцание.

Список используемой литературы:

1. См.: Гриценко В.П. (Gritsenko V.P.) Retkind Russia Philosophy Today// XXII World Congress of Philosophy. Rethinking Philosophy Today. July 30-august 5, 2008. Seoul National University. Seoul, Korea, 2008. Abstracts. P.188-189.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – Париж: Издательство «Современные записки», Склад UMCA PRESS, 1931.
3. Артюхов А.И. Проблема предназначения и сущности человека // Культурная жизнь Юга России. - 2014.- № 3 (54). - С. 114.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – Париж: Издательство «Современные записки», Склад UMCA PRESS, 1931. – С. 6.

5. Там же. С. 9-10.
6. Там же. С. 20.
7. Там же. С. 22-23.
8. Там же. С. 170-171.
9. Там же. С. 171.
10. Там же. С. 179-180.
11. Там же. С. 182.
12. Там же. С. 268-269.
13. Там же. С. 271.
14. Там же. С. 303.
15. Там же. С. 303.
16. Там же. С. 309.
17. Там же. С. 310-311.
18. Там же. С. 315-318.